

Священник Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия

СУДЬБЫ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ТРАДИЦИИ: К ВОПРОСУ О ПЕРВЫХ РУССКИХ МИТРОПОЛИТАХ

В качестве своей важнейшей задачи в отношениях со славянскими странами, расположенными к северу от ее границ, Византия рассматривала обращение жителей этих стран в христианство и организацию на их землях Церкви, подчиненной патриархии Константинополя. Именно в этом и состояла здесь одна из крупнейших исторических миссий империи. Поскольку император был защитником Православия и царствовал по милости Божией, империя по самой своей природе стремилась к распространению христианской веры и культуры, полагая это своим священным долгом, обязательством, наложенным принятой на себя вселенской миссией.

Согласно разработанной выдающимся русским византологом Дмитрием Дмитриевичем Оболенским и широко распространенной в ученом мире концепции, этот ареал византийского религиозно-культурного влияния можно определить как «Византийское содружество наций»¹ или, как у профессора Фессалоникийского университета Антония-Эмилия Николаевича Тахиаоса, «славянский проект» империи², представлявший собой не только территорию господства православного христианства, но также некое сообщество стран и народов с внутренней структурой и системными связями, определившими его религиозное и культурное единство.

И здесь мы вполне согласны со старым тезисом о том, что культура Древней Руси и Болгарии (как и значительной части средневековой Сербии) является гимном византийской

цивилизации на славянских языках. Ведь святой Кирилл не просто создал азбуку, но так преобразил славянский язык, что он смог вместить в себя понятийное богатство языка греческого. Это чудо, и не случайно составители житий святых Кирилла и Мефодия и другие старославянские источники отмечают, что святой Кирилл составил славянскую азбуку под непосредственным воздействием Божественного откровения. В послании императора Михаила III князю Ростиславу, которое привезли с собой в Моравию Солунские братья в 863 году, говорится, что «этот дар, больший и честнейший всякого золота и серебра, драгоценных камней и богатства переходящего»³.

Во второй половине X века начинается древнерусский этап развития кирилло-мефодиевского наследия. Несомненно, что в деле становления древнерусской христианской цивилизации решающую роль играли две страны: Византия и Болгария. И здесь мы вполне согласны с мнением доктора исторических наук, академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина о том, что если относительно Византии эта роль не подлежит сомнению, то иначе обстоит дело с Болгарией: результаты ее участия очевидны, а как они были достигнуты — неизвестно⁴.

И здесь принципиальный вопрос: служила ли непосредственным источником воспринимаемых Русью духовных ценностей сама Византия, или же этот процесс совершался через «болгарскую призму»⁵, преломившую и адаптировавшую элементы византийской цивилизации в формы, приемлемые для Древней Руси?

Одним из элементов этой научной дискуссии является вопрос о личностях первых русских митрополитов.

Как известно, начальная Киевская летопись ничего не говорит о начале русской иерархии. Лишь под 1039 годом, как бы случайно, узнаем, что освящение обновленной Десятинной церкви совершил митрополит Феопемпт. Кто же был

до него? Наиболее часто в летописях встречаются два имени: одна серия свидетельств говорит, что первым нашим митрополитом был Михаил, а другая — что Леон, или Лев.

Целая серия русских памятников, начиная с Церковного устава князя Владимира, сообщает, что «Володимер посла в греки к Преосвященному Фотию патриарху царьградскому и взят от него перваго митрополита Михаила Киеву»⁶. Доверие к этому сообщению подрывает очевидный анахронизм: патриарха Фотия и князя Владимира разделяет целое столетие.

Как могла произойти подобная ошибка? Устав святого Владимира, в котором цитируется грамота, данная Десятинной церкви, дошел до нас только в редакциях не ранее конца XII века. Видимо, первое крещение Руси, состоявшееся при патриархе Фотии, там ошибочно отождествлено с эпохой святого Владимира. Отсюда имя Фотия как современника Владимира перешло во все памятники русского летописания последующего времени. Скорее всего речь здесь идет о первом крещении русов и князя Аскольда в связи с нападением на Царьград в 860 году при императоре Василии Македоняnine и святителе Фотии, о чем имеются многочисленные свидетельства византийских источников.

В другой группе летописей на том же месте, при том же анахронизме, выступает имя митрополита Леона. К примеру, «Летопись новгородских владык» сообщает, что «в лето 6499 (991 год.— *Авт.*) крестися Володимер и взя у Фотия патриарха Царьградскаго перваго митрополита Киеву Леона...»⁷. Автор «Степенной книги» в XVI веке, видимо, решил компилятивно совместить две серии свидетельств и два имени, поставив одного после другого, двух митрополитов при князе Владимире, сначала Михаила, потом Льва. Так как «Летопись новгородских владык» поместила приход Льва (Леона) под 991 год, то автор «Степенной книги» небольшое время до этого (с 988 по 991) отвел для митрополита Михаила. Получилось меньше трех лет⁸.

Критическая оценка этих летописных свидетельств привела к оригинальной гипотезе, выдвинутой впервые профессором Санкт-Петербургского университета Михаилом Дмитриевичем Приселковым в его магистерской диссертации «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси в X–XII веках». Суть ее такова: князь Владимир, с болью переживавший на своем опыте узкий аристократический деспотизм греков, не хотел церковного подчинения царскому Константинопольскому патриарху. В этом плане опорой и помощью ему оказывалась родственная по языку и независимая от греков, в тот момент еще автокефальная Болгарская Церковь, возглавлявшаяся Охридским патриархом. Туда же, на славянские Балканы, русский князь должен был обратиться и за множеством священников-миссионеров. Оттуда победитель греков под Корсунем мог заимствовать и первых своих епископов. И самое главное, князь Владимир поставил свою церковь под покровительство патриарха Болгарского (Охридского) так, чтобы он был непосредственным главителем кафедры Киевской, причем Анастас Корсунянин в Десятинной церкви был как бы его викарием⁹.

Гипотеза эта получила окончательное оформление в трудах профессора Свято-Сергиевского богословского института Антона Владимировича Карташева. По его мнению, князь Владимир «как глава народа и государства, не мог не учесть самоочевидной ценности, и с миссионерской и с патриотической точки зрения, того редкостного и огромного факта, что принимаемая им и для его народа новая вера, к счастью, имеет уже и привлекательное национальное языковое обличье... он не мог не использовать легально открывавшейся ему возможности, через постановку русского христианства в каноническую независимость от Цареграда, и замену ее канонической зависимостью от автокефальной же Ахридской архиепископии... Владимир в нем упорствовал до конца своей жизни, т.е. до 1015 г., и передал по инерции это положение

дел и сыну Ярославу. Ярослав не раз воевал с греками, но в конце концов, после захвата греками Болгарского царства и упразднения автокефальных привилегий Ахридской кафедры, должен был в 1037 году признать юрисдикцию Константинополя. Но этот конфуз для греческой амбиции требовалось как-то затушевать в русской летописи... пробел на этом месте и немота летописи оставляют недоуменное впечатление у всякого непредубежденного читателя». Это странное умолчание, по мнению А.В. Карташева, «находит себе единственное объяснение в византийской цензуре, проведенной над нашей летописью в этом вопросе при Ярославе по договору с греками»¹⁰.

А митрополитом Львом, или Леоном, упоминающимся в наших летописях, по мнению А.В. Карташева, как раз и был Охридский патриарх. Именно он и стал первым главой Русской Православной Церкви при князе Владимире, здесь по Карташеву «сознательная дипломатическая неточность. Лев в те годы был главой автокефальной Ахридской митрополии и в этом смысле возглавлял в начале еще не сформировавшуюся миссионерскую Русскую Церковь. И взят был Владимиром не буквально, а лишь признан был канонически главой Русской Церкви в первые годы ее существования... Лев был «во главе» новой церкви, но не переселялся в Киев, а сидел у себя в Ахриде»¹¹.

Косвенным подтверждением этой теории является то, что целый ряд наших митрополитов как-то непоследовательно и загадочно называются «архиепископами». Как известно, в древней Церкви титулование это относилось к главам автокефальных Церквей. В 1020 или 1026 году, когда открывались мощи новоявленных русских страстотерпцев святых Бориса и Глеба, в Киеве появляется архиепископ Иоанн. Этот архиепископ Иоанн призывается в Киев как бы откуда-то со стороны, освидетельствует и прославляет собственным авторитетом (не спрашивая никакого патриарха) святые мощи, освя-

щает церковь, устанавливает праздник, ставит ставленников и, «оставивши Киев», отходит в свою кафеоликанскую Церковь. По мнению А.В. Карташева, это был последний патриарх и первый архиепископ Охридский Иоанн (1017–1037), переживший катастрофу разгрома болгарской державы царя Самуила в 1014–1019 годах императором Василием Болгаробойцем¹². А после смерти архиепископа Иоанна в 1037 году над Болгарской Церковью уже поставлен был грек — Лев. И в связи с этим пред Киевским князем Ярославом Владимировичем встал уже неустрашимый факт, так сказать, автоматического подчинения Русской Церкви Константинопольскому патриарху. Видимо, в 1037–1039 годах Киев и получает своего первого митрополита — грека Феопемпта, а князь Ярослав строит первый для греков кафедральный храм Святой Софии.

Эта точка зрения, продолжавшая пользоваться поддержкой в течение всего XX века, в последнее время была подвергнута критике в новейшем труде доцента кафедры искусствоведения исторического факультета СПбГУ Надежды Ильичны Милютенко «Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси». По мнению автора, отсутствие в русских летописях имен первых русских митрополитов объясняется не греческой цензурой, а удивительным равнодушием к начальной истории Русской митрополии со стороны летописцев¹³. При этом обоих иерархов — Михаила и Леона — как претендентов на звание первых русских митрополитов она отвергает.

Имя митрополита Михаила, по мнению Н.И. Милютенко, было заимствовано из «Написания о правой вере» преподобного Михаила Синкелла, которое в болгарском переводе было известно на Руси. В статье 6496 (988) года «Повести временных лет» «Написание о правой вере» святого Михаила Синкелла вложено в уста безымянного Корсунского епископа в качестве наставления святому князю Владимиру, что и привело, по мнению Н.И. Милютенко, к совершенно

произвольному отождествлению имени первого русского митрополита со святым Михаилом Синкеллом (760–846).

А митрополит Леон, по мнению автора, был Переяславским митрополитом, автором антилатинского трактата 1070-х годов об опресноках. О том, что в Переяславле была одно время митрополия, упомянуто в «Повести временных лет» под 1089 годом, и средневековый автор, по мнению Н.И. Милютенко, мог сделать вывод, что она помещалась там до 1037 года. Обнаружив, что автором наставления в вере был Михаил, а некий нигде больше не упомянутый митрополит Лев (Леон) обличал латинян, средневековые книжники решили, что они были современниками Святого равноапостольного Владимира¹⁴. Версию о том, что Иоанн Охридский был главой Русской Православной Церкви, Н.И. Милютенко считает основанной на простом совпадении имен Иоанна Охридского и русского митрополита Иоанна, переносившего при Ярославе мощи святых Бориса и Глеба¹⁵. В то же время ее собственная версия так же основана на совпадении имен и, на наш взгляд, еще более шаткая, чем с архиепископом Иоанном Охридским.

При этом Н.И. Милютенко вполне согласна с версией польского историка Анжея Поппе, согласно которой первым митрополитом русским стал, между 995–997 годами, Феофилакт, бывший митрополит Севасты¹⁶. Версия основывается на «Церковной истории» Никифора Каллиста (около 1317), в которой упоминается о переводе во времена императора Василия II митрополита Феофилакта из Севасты в Россию.

При этом А. Поппе отождествляет Феофилакта с анонимным митрополитом армянской Севасты, о котором писал младший современник событий, армянский историк конца X — начала XI века Степанос Таронский по прозвищу Асохик. В период с марта 986 года по март 987 года безымянный митрополит был отправлен в Болгарию с рискованным дипломатическим поручением: привезти подложную сестру им-

ператора Василия II в качестве невесты для кого-то из болгарского правящего дома. Обман раскрылся, и митрополит был сожжен. По мнению А. Поппе, здесь в искаженном виде сохранились воспоминания о поездке Феофилакта с невестой для Владимира на Русь¹⁷. Предположение, на наш взгляд, слишком поверхностное.

Н.И. Милютенко в принципе согласна с Анжеем Поппе. «Вероятнее всего,— пишет она,— им (митрополитом) стал после 995 года, но до 997 года Феофилакт, бывший митрополит Севасты»¹⁸. Такая датировка установления русской митрополии объясняется ею вслед за выдающимся российским историком и источниковедом Ярославом Николаевичем Щаповым¹⁹ тем, что ни летописная, ни проложная статьи об освящении Десятинной церкви, ни грамота о десятине, данная киевской церкви Богородицы в 995 году, не упоминают о киевском митрополите (хотя это предположение отчасти опровергается ее собственным тезисом об «удивительном равнодушии к начальной истории Русской митрополии» отечественных летописцев). Верхняя дата установления русской митрополии — 997 год — основывается на известии о том, что в 997 году митрополитом Армянской Севасты стал Феодор, а Феофилакт, по мнению А. Поппе и Н.И. Милютенко, был его предшественником. До этого времени, по мнению Милютенко, Херсонский архиепископ мог действовать как миссионер в Южной Руси, а Иоаким Корсунянин — на севере, в Новгороде. На первых порах такая ситуация должна была вполне устраивать святого князя Владимира, который пытался включить Корсунь в состав своих владений в качестве центра христианского просвещения Руси. Херсонес пришлось очень скоро вернуть, и стране теперь был нужен самостоятельный митрополит²⁰. Примечательно, что имя митрополита Феофилакта вообще не упоминается в русских летописях.

Таким образом, вопрос о личностях первых русских митрополитов, а вместе с ними и о влиянии кирилло-мефодиевской

традиции на становление церковной и культурной неповторимости Древней Руси в рамках вселенского Православия на самом раннем этапе ее истории остается открытым и ждет своих исследователей.

Примечания и библиографические ссылки

¹ *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

² *Тахиаос А.-Э.Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 103.

³ Паннонское житие святого Кирилла в пер. П.А. Лаврова / *Тахиаос А.-Э. Н.* Указ. соч. С. 289.

⁴ *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 301.

⁵ Там же. С. 307.

⁶ Цит. по: *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М. 1993. С. 136.

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913. С. 35–55.

¹⁰ *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 119–120.

¹¹ Там же. С. 135.

¹² *Карташев А.В.* Указ. соч. С. 163.

¹³ *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. СПб. 2008. С. 323.

¹⁴ *Милютенко Н.И.* Указ. соч. С. 330–331.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ Там же. С. 328.

¹⁷ Там же. С. 325–326.

¹⁸ Там же. С. 328.

¹⁹ *Щапов Я.Н.* Государство и Церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 23–28.

²⁰ *Милютенко Н.И.* Указ. соч. С. 328.